

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 3

Culture and anthropology research journal. 2025. № 3

Научная статья

УДК 299.52 + 791.43-252.5

Синтоизм в современной визуальной культуре

Тихомирова Елена Евгеньевна¹, Сыроечковский Владимир Антонович²

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

²Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу синтоизма как фундаментального элемента японской культурной и религиозной традиции, а также исследованию его репрезентации в современной визуальной культуре, в частности в анимационных произведениях. В работе рассматриваются ключевые категории и идеи синтоистского мировоззрения – вера в ками, культ предков, гармония человека и природы, цикличность времени и очищение, – которые формируют уникальный культурный код японской нации и сохраняют свою актуальность в условиях глобализации. Особое внимание уделено тому, каким образом данные концепты находят отражение в художественных мирах ведущих японских режиссеров-аниматоров – Макото Синкая и Хаяо Миядзаки. Анализируется специфика функционирования синтоистских реплик в их произведениях, включая семиотическую роль сакральных образов, мифологических мотивов и ритуальных практик, а также способы их интерпретации японской и международной аудиторией. Выявляется дидактико-мировоззренческий, национально-исторический и социально-инструментальный потенциал синтоистских элементов в анимации, что позволяет рассматривать их не только как художественные приемы, но и как средства сохранения и трансляции культурной идентичности. Статья демонстрирует значимость синтоизма как живой традиции, которая, несмотря на процессы модернизации и культурного синкретизма, продолжает активно влиять на формы и содержание современной японской массовой культуры.

Ключевые слова: синтоизм; ками; Япония; культура; анимация; Макото Синкай; Хаяо Миядзаки; философия; мифология; природная гармония; культурная идентичность

Для цитирования: Тихомирова Е. Е., Сыроечковский В. А. Синтоизм в современной визуальной культуре // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 3. – С. 25–39.

Scientific article

Shintoism in Contemporary Visual Culture

Elena E. Tikhomirova¹, Vladimir A. Syroechkovskii²

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

²Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of Shintoism as a fundamental element of Japanese cultural and religious tradition, as well as an examination of its representation in contemporary visual culture, particularly in animation. The study explores the core categories and ideas of the Shinto worldview – belief in kami, ancestor veneration, harmony between humans and nature, the cyclical perception of time, and purification rituals – which constitute a unique cultural code of the Japanese nation and remain relevant in the context of globalization. Special attention is given to the ways in which these concepts are reflected in the artistic worlds of leading Japanese animation directors Makoto Shinkai and Hayao Miyazaki. The article analyzes the functionality of Shintoist references in their works, focusing on the semiotic role of sacred imagery, mythological motifs, and ritual practices, as well as the interpretive strategies of both Japanese and international audiences. It identifies the didactic-philosophical, national-historical, and socio-instrumental potential of Shinto elements in animation, demonstrating that they serve not only as artistic devices but also as instruments of preserving and transmitting cultural identity. Thus, the article highlights the significance of Shinto as a living tradition that, despite processes of modernization and cultural syncretism, continues to exert a profound influence on the forms and content of contemporary Japanese popular culture.

Keywords: shintoism; kami; Japan; culture; animation; Makoto Shinkai; Hayao Miyazaki; philosophy; mythology; natural harmony; cultural identity

For citation: Tikhomirova, E. E., Syroechkovskii, V. A. Shintoism in Contemporary Visual Culture. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 3, pp. 25–39.

Исследования феномена синтоизма как неотъемлемой части традиционного японского мировоззрения в современной культуре становятся все более востребованными. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, синто является самым древним и уникальным религиозным и культурным явлением Японии. Во-вторых, современная визуальная культура активно синтезирует традиционные элементы синто и новейшие тенденции в искусстве, медиа и дизайне. Это позволяет исследователям выявить особенности взаимодействия японской культуры с существующей глобализацией, а также проанализировать механизмы адаптации синто к современным культурным запросам. В-третьих, развитие междисциплинарных подходов открывает новые горизонты для комплексного анализа влияния синто на визуальные образы, символику и архитектурное пространство.

Целью работы является изучение синтоистских реплик в ключевых произведениях японских режиссеров-аниматоров.

Традиционное мировоззрение в Японии является одним из ключевых системообразующих элементов традиционной культуры. В культуре Японии традиционные ценности, понимание места человека в мире и особенности взаимодействия человека с окружающей средой были сформированы на основе глубокого мировоззрения, в котором философия, религия, искусство и наука взаимно переплетаются.

Синтоизм, синто (яп. 神道 синто – «путь богов») – это традиционная национальная религия Японии. Зародилась на основе анимистических представлений древних жителей японского архипелага. Объектами поклонения являются огромные множества божественных существ и духи умерших. Синтоизм навечно закрепился в японском мировоззрении и японских традициях. Его невозможно убрать из жизни японцев ни на местном, ни на государственном уровне [10, с. 190].

Базис синтоизма – в придании силам и явлениям природы божественной сути и последующем поклонении ей [8, с. 17]. Предполагается, что у большинства вещей есть своя духовная ипостась – *ками*. Ками способны пребывать на Земле в имманентном состоянии. В таком случае их вместилищем могут стать не только живые объекты, в обычном понимании, а дерево, камень, природное явление и при определенных условиях даже божественный атрибут. Также предполагаются *ками*, которые могут являться духом определенной области или конкретных природных объектов (например, *ками* определенной реки), некоторые воплощают в себе глобальные природные явления. Так, например, Аматаэрасу Омиками представляет собою персонификацию солнца.

Особенно почитаются *ками*, которые покровительствуют семьям и родам. Считается, что все исконно-японские роды ведут свое происхождение от какого-либо *ками*. Главным примером такой традиции является императорская семья, которая ведет свой род от богини Аматаэрасу Омиками. Культ предков тоже имеет свое место в синтоизме. Предки способны защищать и покровительствовать своим потомкам. Также синтоизм включает магию, тотемизм, а также веру в способности талисманов и амулетов.

Однако стоит заметить, что в синтоизме нет определенных границ, отделяющих обычного человека от *ками*. В некотором роде человек сам по себе является ребенком *ками*.

Жизнь в синтоизме священна. Человек должен быть обязан за нее своим предкам и *ками*. Жизненную силу и душу ему дает *ками*, а самым рождением он обязан родителям и предкам, которые жили до него на протяжении долгих столетий. Для того чтобы существовать дальше, человеку необходима не только природа, но и общество. Поскольку он социален, он не способен жить изолированно. Основопологающим духовным постулатом синто является пребывание в гармонии с людьми и природой. В миропонимании синтоизма, окружающий нас мир – это цельная природная среда, где люди, души почивших и, собственно, *ками* живут рядом. Хоть *ками* и вечны, они также являются частью цикла рождения и смерти, которому подчинено все в мире. Но даже сам цикл

не вечен и исчезнет только с разрушением Земли, после чего станет чем-то по-настоящему новым.

Каждый человек обладает собственной личностью, которая позволяет ему отличаться от других, делает его уникальным. Ками лишь дает человеку личность. К ней же в свою очередь прибавляются традиции, сформированные семьей на протяжении столетий, влияние друзей и других людей, формирующих социальную среду человека. В совокупности все это складывается в характер. Но стоит сказать, что в синто нет места единоличным мотивам. Эгоизм по своей природе не может сосуществовать с самими принципами служения богам в синтоизме. Для верующего, в первую очередь, должны быть главными интересы общества и процветание всей общины. Но это не лишает смысла семьи и права отдельного человека. Они находятся в одной системе с обществом и поддерживаются друг другом.

Каждый человек рождается с определенным предназначением в жизни. Так, с одной стороны, он должен оправдать надежды предков и воплотить в жизнь их идеалы. Но в то же время он должен заботиться и любить своих потомков, чтобы они также имели возможности исполнить желание своих предков. И те, и другие являются частью одного рода. Если не придавать значения памяти предков, не почитать их, заботиться лишь о себе, то человек не сможет выполнить свою миссию, а значит, его жизнь потеряет всякий смысл.

Считается, что поскольку любой человек способен стать идеальным, его заведомо могут принимать за ками. Воплощенная в словах способность подобного благословения – котодама. Котодама (яп. 言霊 котодама, «душа слова») – понятие в японской культуре, связывающее с произнесенным словом некие сверхъестественные атрибуты, способна произвести в характере человека глубокие изменения [7, с. 387]. Однако при жизни человека невозможно назвать ками. Подобное воплощение он может принять только после собственной смерти.

В синто нет сотериологических мотивов, вместо этого человек сам, в соответствии с наставлением предков, выбирает подходящее ему место в жизни, благодаря чему способствует гармонии и развитию мира. Как и в большинстве культур, в синтоизме существуют представления о добре и зле, однако по своей сути они отличаются от других. Если существуют противоположные по своей природе ками или у них есть личная неприязнь к друг другу, то подобное противостояние считается естественным. От агрессивно настроенных ками можно защититься амулетами и талисманами или вообще подчинить с помощью особых ритуалов. Синтоизм с большей ответственностью принуждает верующих заботиться о том, что останется после их смерти, и речь идет не только о потомках, но и о природе. Из-за всего вышеизложенного можно сказать, что синто не является дуалистической религией, а отсутствие в ней общего строгого закона не позволяет назвать ее подобной авраамическим религиям.

Главными источниками мифологии синто являются сборники «Кодзики» и «Нихон сёки» («Анналы Японии»), хроника правлений императоров Японии с древнейших времен до 697 года (31 том). Они состояли из объединенных и адаптированных сказаний, мифов и легенд, которые передавались из уст

в уста на протяжении многих поколений. Поскольку до прихода письменной буддийской традиции Японии не задумывалась о составлении письменных трудов, то в записях из «Кодзики» и «Нихон сёки» специалисты обнаружили сильное влияние китайской культуры, мифологии, философии [2, с. 9].

События, о которых пишется в этих сборниках, в большинстве своем описывают так называемую «эру богов». В обоих источниках ее временные рамки никак не определяют. Вслед за «эрой богов» приходит новая – эра правления древних императоров, которые сами по себе являются потомками богов. Оба сборника заканчиваются историями о событиях времен первых императоров. Как ни странно, и в «Кодзики», и в «Нихон сёки» речь идет об одних и тех же мифах, но нередко толкование различается. Стоит также отметить, что в «Нихон сёки» нередко встречается толкование мифа в нескольких возможных вариантах.

В начале обоих писаний мифы повествуют о зарождении мира. Согласно им, мир изначально был хаотичным и содержал в себе все в бесформенном и смешанном состоянии. В определенный момент хаос разделился и появилась Такама-нохара (яп. 高天原 такамагахара, Равнина Высокого Неба). Вслед за ней появились первые боги, а за ними первые божественные пары. Такие пары состояли из мужчины и женщины, которые являлись друг другу братом и сестрой, каждый из них олицетворял какое-либо природное явление.

Весьма показательным для понимания мировоззрения синто является миф об Идзанаги и Идзанами – последней из возникших божественных пар. Благодаря им был создан первый остров, Оногородзима – Сам Собою Сгустившийся Остров. Позже они заключили брак, но из-за того, что первой говорила Идзанами, первые дети оказались «нехорошими», и только после того, как они вновь поженились, но Идзанаги начал говорить первым, дети начали рождаться «правильными» (таким образом, патриархальная система Японии твердо укрепились в обществе, теперь уже на мировоззренческом уровне). Таким путем появились японские острова и большое количество ками, которые и заселили эти земли. После того как Идзанами родила ками Огня, она заболела, вследствие чего и умерла и отправилась в Страну Мрака. Смерть супруги погрузила Идзанаги в отчаяние, из-за чего он отрубил голову богу Огня, из которого после появились новые поколения ками. После этого Идзанаги отправился в страну Мрака, чтобы спасти свою супругу, однако, застав ее обезображенный вид, убежал и завалил вход. Разгневанная Идзанами пообещала убивать тысячу людей каждый день, на что Идзанаги ответил, что будет строить по полутора тысяч хижин для рожениц в день. «Эта история как нельзя лучше передает представления синто о жизни и смерти: смертно все, даже боги, и нет смысла пытаться вернуть умерших, но жизнь побеждает смерть через перерождение всего живого» [5].

После возвращения Идзанаги очистился, устроив омовения в водах реки. Подобное омовение в Японии называется мисоги (яп. 禊 мисоги, «Ритуальное омовение») и служит ритуалом для очищения тела и души. Пока он совершал омовение, из его одежды и капель воды появились новые ками. Из капель,

которые омыли левый глаз, родилась богиня Солнца Аматаэрасу, которая стала хранителем Равнины Высокого Неба. Из капель, омывших нос – бог ветра и бури Сусаноо, который стал хранителем Равнины Моря. Стоит отметить, что главной богиней все равно оказалась женщина, но все же она не была всемогуща и не могла существовать без других kami. Однако Сусаноо не хотел ведать Равниной Моря, а хотел в Страну Мрака, из-за чего и был изгнан Идзанаги. После этого Сусаноо отправился к сестре, где спустя некоторое время начал вести себя несдержанно и буйно, из-за чего Аматаэрасу спряталась в небесном гроте, обрушив на мир бесконечную тьму. Боги смогли выманить Аматаэрасу из грота, а Сусаноо принес искупительные яства, однако не был прощен и был изгнан, поселившись в стране Идзумо.

После мифа о Сусаноо и Аматаэрасу истории теряют последовательность и рассказывают больше об отдельных, не связанных друг с другом сюжетах. Практически все из них описывают борьбу kami между собой за власть над теми или иными территориями. В одном из таких мифов повествование ведется о внуке Аматаэрасу, Ниниги, которого спустили на землю, чтобы он правил Японией. Вместе с ним отправились пятеро других kami, которые стали предками наиболее влиятельных кланов Японии. Другая история повествует о потомке Ниниги Иварэхико, который принял имя Дзимму и предпринял поход на Хонсю, подчинив при этом всю Японию. Также он основал империю и стал ее первым императором. Наиболее важно, что это миф, один из немногих, кто имеет конкретную датировку – 660 год до н. э., однако исследователи говорят, что эти события могли происходить не ранее третьего века нашей эры.

Синтоизм, зародившись как национальная религия, продолжает быть воплощением японской нации, ее обычаев и культуры. Многовековое существование синто как главной идеологической парадигмы оказало значительное влияние на жителей Японии. Даже в условиях длительного синкретирования с буддизмом, синтоизм не стал его частью, а наоборот, спустя время вернулся на главенствующую позицию. Сложно представить японца, который бы даже на подсознательном уровне не был частью этого религиозного мировоззрения. Даже если большое количество японцев не считают себя приверженцами синто, эта религия настолько проникла в культуру, что действия, атрибуты и праздники синтоизма могут приниматься обычными жителями как то, что было всегда, как традиция, которую необходимо соблюдать, «потому что всегда так делали, всегда так было» [1, с. 47–51].

На данный момент на территории Японии располагается около 80 тысяч синтоистских храмов, а также два университета синто, в которых обучают синтоистских священнослужителей: Кокугакуин в Токио и Кагаккан в Исэ. В самих храмах активно протекает религиозная деятельность, исполняются необходимые ритуалы, проводятся праздники. Главные праздники синто проходят очень феерично, могут сопровождаться факельными шествиями, фейерверками, военными парадами или спортивными соревнованиями. Все это зависит от конкретного региона. В подобных праздниках участвуют не

только верующие синтоисты, но и нерелигиозные люди и даже представители других конфессий.

На сегодняшний день сохранилась традиция проведения ритуалов при строительстве нового дома. Перед началом строительных работ проводят очищение территории будущего дома, чтобы прогнать злых духов и задобрить Kami, проживающих в этом месте. Для подобного обряда могут специально пригласить священника. Такие обряды – *охарай* (яп. お祓い охарай, «обряд очищения») используются не только при строительстве, но и при очищении храмов. «По завершении строительства проводится обряд “дзёто-сай” (“Церемония укладки коньковой балки”): на середину коньковой балки крыши помещается символ Kami, после чего устраивается праздник для рабочих, строивших дом, и соседей» [6, с. 238].

Не только в особые дни можно заметить присутствие синтоизма. Дважды в год, осенью и весной, японцы обычно устраивают генеральную уборку, которая в некоторой степени отражает древнюю церемонию Великого очищения. С синто связывают традицию открывать счета в июне и декабре. Манера завершать хлопком в ладоши удачно состоявшиеся сделки – это тоже веяние синтоизма. Подобный жест используется для привлечения Kami, чтобы они стали свидетелями удачной сделки и завершения дела [5].

На основании изученных текстов можно заключить, что синтоизм не обладает конкретным определением добра и зла, а для того, чтобы человек был способен самостоятельно определить их границы, он должен адекватно воспринимать окружающую действительность и иметь некие благоприятные отношения с Kami. Всего этого он может достичь, живя в согласии с природой и обществом, а также очищая свое тело и сознание, постепенно приближая себя к становлению Kami путем религиозного служения. Создание мифологических сборников несло в себе цель не столько в описании мировоззрения японцев времени написания трудов, сколько в укреплении положения императора и императорской власти и также наиболее влиятельных родов. Такой атрибут, как богоизбранность, повышал значимость установившейся власти, а также являлся объединяющим фактором, что позволило японцам возыметь национальную идентичность. После рассказов об Идзанаги и Идзанами в текстах начинают упоминать людей. В мифах нигде не указано, как именно появились люди, что дает право считать, что, в соответствии с представлениями синто, различий между Kami и людьми нет. В большинстве своем японцы не считают себя приверженцами синто, оно с самого детства становится неотъемлемой частью их культурной и общественной жизни и, так или иначе, остается олицетворением нации.

Перейдем к репликам синтоизма в современной визуальной культуре. Начнем с произведений известного японского режиссера-аниматора Макото Синкая. Необходимо уточнить, что синтоизм не является основной темой в произведениях Макото Синкая. Автор утверждает, что синто в его работах – это «отражение японского культурного кода, нашего общего исторического мировосприятия, через которое можно донести мысли, которые важно услышать

в настоящее время. Я говорю языком образов, но таких, которые считаются каждым японцем на генетическом уровне» [4].

Репликой в данной работе будет называться отношение между гипотекстом и гипертекстом. Термин «реплика» в интертекстуальности был введен французским литературоведом Жераром Женеттом [12, с. 385–386]. Автор описывает концепцию интертекстуальности как процесс взаимодействия текстов разных эпох, культур и жанров. Он использует термин «реплика» для обозначения фрагмента текста (в том числе текста культуры), который цитируется, адаптируется или переосмысливается в другом тексте с использованием новых форм и смысловых модификаций.

Семиотика синтоизма, пронизывающая произведения японских режиссеров, воспринимается и анализируется японским зрителем за счет воспитания и пребывания в соответствующей культурной среде. Однако неподготовленный зритель, который часто не знаком с национальной японской религией на достаточном уровне, не способен разглядеть более глубокие смыслы, скрытые за визуальными и сюжетными мотивами анимационной картины.

Синто для режиссера выступает дополнительным инструментом, в некотором роде семиотическим концептом, представленным через реплики. Рассмотрим несколько из них.

Во-первых, дидактико-мировоззренческий, а именно относящийся к пониманию времени. Концепция линейного времени зародилась на Ближнем Востоке, однако синтоизм, а соответственно и Японию это не коснулось. Цикл [9, с. 185–188] рождения и смерти, цикличность истории, цикл лун, циклы правления – все это хорошо вписывается в парадигму синтоизма, и соответственно в мировоззрение японцев. Кольцевое время преподносится автором во многих его произведениях. В анимэ «Твоё имя» мы наблюдаем несколько примеров рекурсивности. Например, комета, упавшая на городок Итомори. В самом анимэ говорится, что 1200 лет назад на эту же местность упала другая комета, из-за чего впоследствии и образовалось озеро Итомори. Но это еще не все. Если взглянуть на место, где располагается святилище местного ками, то можно заметить еще один кратер. Причем на потолке самого святилища была изображена летящая комета, очень похожая на комету из мультфильма. Само ками, о котором говорит бабушка сестер, не является божеством основного пантеона синто. Макото Синкай вполне мог взять за основу местное божество или же придумать его лишь для картины. Это ками именуется Мусуби (яп. 結び мусуби, «узел»). Главная жрица говорит: «Вязать нить – это мусуби. Узы между людьми – это тоже мусуби. И даже течение времени – мусуби. Это все сила бога». Шнуры же, которые плетут в этой деревне – это символ времени. Их нити могут скручиваться, переплетаться, распутываться и даже рваться, но затем сплетаются вновь. А узлы, которые являются окончательным сплетением, и создают бесконечный цикл. Имена жриц тоже имеют некоторую цикличность. Если обратить внимание на имена сестер, а именно Мицухи (яп. 三葉 Мицуха, «третий лист») и Ёцухи (яп. 四葉 Ёцуха, «четвёртый лист»), а затем заметить в некрологе Итомори имя их бабушки Хитохи (яп. 一葉 Хитоха, «первый лист»),

то можно предположить, что имя их матери скорее всего было Футаха (яп. 二葉 Футаха, «второй лист»). Из этого следует, что имена давались в определенной последовательности, а учитывая то, что до Хитохи Миямидзу храм тоже существовал и поддерживался их семьей, то можно предположить, что и имена подвержены циклу.

В других произведениях режиссера можно проследить подобное отношение ко времени, например можем обратиться к его работе «Дитя погоды». Для того чтобы усмирить ярость неба, раз в несколько сотен лет так называемая дева погоды должна принести себя в жертву богам, чтобы остановить непрекращающийся дождь. Главная героиня, Хина, будучи девой солнца, совершает данную жертву, что и приносит солнечные дни в Токио, однако вскоре ее спасает Ходака, и они решают отказаться от жертвы, что провоцирует продолжение катаклизма. С одной стороны, можно сказать о том, что цикл разрушен, интерпретируя это как то самое «окончательное разрушение Земли», которое повлечет за собой нечто по-настоящему новое, но с другой стороны, в конце анимэ мы можем узнать, что затопляемая часть Токио несколько сотен лет назад находилась под водой, а это значит, что цикл может быть гораздо больше и может включать в себя подобное противостояние людей с небом. Также хочется отметить похожие судьбы Ходоки и его начальника Кэйсукэ. У них схожий характер. Кэйсукэ в детстве также сбежал из дома, чтобы начать новую жизнь в Токио. Он также быстро нашел свою любовь, но судьба оказалась жестока, и спустя несколько лет она погибла. Цикл мог бы продолжиться, но спасение Хины его нарушило.

На метауровне мы можем наблюдать взаимодействие между работами Макото Синкая. В анимэ «Дитя погоды» (2019) эпизодично присутствуют главные герои предыдущего произведения режиссера «Твоё имя» (2016), а в нем в свою очередь можно заметить учителя из «Сада изящных слов» (2013). Таким образом, можно предположить, что невероятно долгий сезон дождей из последней работы Синкай также отсылает нас к его последнему произведению, и тогда цепь снова замкнулась. Не исключено, что цикл еще не завершился и в следующих работах режиссера мы сможем наблюдать интертекстуальные ссылки на предыдущие работы.

Также к дидактико-мировоззренческому концепту можно отнести еще один мотив произведений режиссера. Его можно обобщить словами «чтобы что-то получить, нужно чем-то пожертвовать». В определенный момент герои сталкиваются с ситуацией, в которой приходится принести жертву для благой (а иногда и корыстной) цели. «Одно – это все, а все – это одно». Так, например, Хина из анимэ «Дитя погоды» является девой погоды и способна лишь одной молитвой разгонять тучи. Но это не могло происходить вечно и с каждым разом она все больше теряла свое человеческое тело. В конце концов она должна была стать жертвой для неба, но ее спасение нарушило баланс, что привело к еще большим последствиям.

Учитель Морисаки из анимэ «Ловцы забытых голосов» хочет вернуть к жизни свою мертвую жену. Даже преодолев всю Агарту и спустившись ко вратам «жизни и смерти», местное божество требует новый «сосуд» для возлюбленной

учителя. Не колеблясь, он приносит в жертву свою спутницу, главную героиню Асуну. Более того, учитель также потерял правый глаз, в наказание за его недальновзоркость. После того как клавиш был уничтожен, жена Морисаки вновь исчезла, а Асуна вернулась. Однако глаз не вернулся к учителю, что может говорить о том, что его потеря была наказанием, а не дополнительной ценой воскрешения.

Чтобы выбраться из священного места Мусуби, необходимо оставить в нем часть себя. И если для сестер подобной жертвой стало заранее подготовленное кутикамисакэ (яп. 呑み酒 кутикамисакэ, «саке из риса, процесс ферментации которого производится с помощью его разжевывания»), которое, благодаря силе Мусуби, становится частью человека, то Таки скорее всего пожертвовал своей памятью и памятью Мицухи.

К следующему концепту, а именно национально-историческому, хотелось бы отнести желание режиссера придать его работам национальный оттенок и создать «знаковый слой», который по большей части способен восприниматься японской аудиторией. Синтоистские элементы тесным образом переплетены с сюжетами работ.

Например, в анимэ «Твое имя» Мицуха, находясь около озера Итомори выкрикивает: «Боги, в следующей жизни сделайте меня мальчиком из Токио». Это было не что иное, как котоагэ (яп. 言上げ котоагэ, «вознести словеса»). Подобный оборот означает «говорить очень громким голосом», что было воспрещено, потому что подобное могло активировать магическую силу, находящуюся в котодама. Кодзики располагают мифом о том, как принц Яматотакэру-но микото был запутан ками горы за то, что «вознес словеса» и вследствие этого погиб.

Таки и Мицуха впервые встретились около святилища Мусуби, а поспособствовало этому время тасогарэдоки (яп. 黄昏時 тасогарэдоки, «время сумерек»), во время которого, по синтоистским легендам, могут происходить таинственные вещи. Именно в это время, когда Аматаэрасу оставляет свое наблюдение, а Цукуеми еще к нему не приступает, Таки и Мицуха смогли встретиться.

Неудачная первая встреча в Токио и первое счастливое воссоединение спустя годы можно сравнить со свадьбой Идзанаги и Идзанами. В первом случае первой говорила Мицуха, что в корреляции с мифом может свидетельствовать о неправильном совершении ритуала. При последней встрече первым говорил Таки, что показывает важность соблюдения традиций.

Хина из «Дитя погоды» называют девой солнца, а позже и девой погоды. Таким образом, она является жрецом-медиумом и также способна быть одержима божеством. Учитывая, что она могла разогнать тучи и тем самым призвать солнце, можно предположить, что она была одержима самой Аматаэрасу. В то же время при побеге от полиции она смогла призвать молнию, благодаря чему можно предположить связь с Сусаноо. Небесное поле, на котором она пребывает после совершения жертвы, не что иное, как Такамагахара, Равнина Высокого Неба, где живут трансцендентные ками. Об этом свидетельствует и фамилия Хины – Аmano (яп. 天野 Аmano, дословно «небесная равнина»). Поскольку она находится там в одиночестве, можно сказать, что она не до конца слилась

с потусторонним миром ками. Ее жертва должна была усмирить ярость Сусаноо, вследствие чего непрекращающийся дождь подошел бы к концу. Потому нарушение традиции привело к печальным последствиям не только Землю, но и небо.

Отдельным национально-историческим концептом является мотив, тянувшийся «красной нитью» через многие работы автора. Она связана с древней японской легендой, которая гласит, что у каждого человека есть невидимая красная нить, которая связывает его с нитями других людей. Этим людям предназначено встретиться, несмотря ни на что и повлиять друг на друга. Главная канва повествования в аниме «Твое имя» – это история двух людей, которым суждено встретиться сквозь пространство и время. Шнуры, которые плетут в деревне – это материальное представление тех самых красных нитей. На севере Японии была традиция связывать мизинцы парня и девушки, которые хотят вступить в брак, шнуром кумихимо (яп. 組紐 кумихимо, «плетённый шнур»). Мицуха отдаёт свой шнурок Таки при первой встрече в Токио и отчасти именно он помогает не забыть девушку из странных видений. Сам ками Итомори – Мусуби в некоторых легендах именуется как Мусуби-но ками (яп. 結びの神 Мусубиноками, дословно «бог, связывающий [влюблённых]»), что вполне коррелируется с тем, что он сделал для персонажей.

Подобный мотив «обязательной встречи» можно увидеть и в произведении «Сад изящных слов», и в «Дитя погоды», и в «Ловцах забытых голосов».

Синтоизм также присутствует в анимационных произведениях другого известного режиссера-аниматора – Хаяо Миядзаки. В его работах синто также выступает в роли семиотического концепта, проявленного через интертекстуальные реплики. Философ Е. И. Гусев в своей статье, посвященной синтоизму в художественных мирах Хаяо Миядзаки, рассматривает функциональность синто на дидактико-мировоззренческом, национально-историческом и социально-инструментальном уровнях [3].

В качестве дидактико-мировоззренческого концепта необходимо отметить отношение режиссера к экологическим проблемам. Впервые эту тему режиссер раскрывает в аниме «Навиская из долины ветров». Фильм основан на манге, написанной самим Миядзаки, и рассказывает историю Навсикаи, принцессы маленького королевства, которая пытается спасти свой народ от гибели в результате атаки технологически продвинутой цивилизации. Миядзаки использует синтоизм, который нацелен на объединение и гармонию с природой, чтобы эффективно показать зрителю идеи пацифизма и уважения к природе. Автор обращает внимание на следующую проблему: если человечество будет продолжать бездумно вести войны, заражать природу и неумеренно эксплуатировать ее, то возникнут серьезные последствия. В произведении показываются негативные последствия такого отношения к природе – возникновение зараженных «Лесом» областей, ядовитых спор, а также появление гигантских насекомых, которые сами становятся защитниками природы от человека. Это означает, что если человек будет использовать методы насилия для решения таких проблем, результатом будут лишь неудачи. Сам режиссер о созданном

им сюжете пишет следующее: «Идея фундаментального благодушия природы, которая создаст подобие Леса для восстановления среды – полный абсурд. Тот факт, что человечество действительно придерживается столь радужной точки зрения – серьезная проблема» [13, р. 169]. Что касается синто, то главные персонажи поклоняются ками, включая ками ветра, который защищает долину от ядовитых спор. После вторжения Кусяны в деревню со своими войсками ветер прекращается, приводя долину к гибели. Это является отражением влияния милитаризма и научного прогресса на мирную жизнь, поддерживающую гармонию с окружающим миром. Волчица Моро и Сисигами в «Принцессе Мононоке» также являются ками, которые защищают лес. Миядзаки описывает роль Навсикаи не только как лидера или вождя для своего народа, но и как мико – служительницу синтоистского храма. Роль мико включает в себя не только проведение храмовых обрядов, но и церемониальное очищение и налаживание контакта с ками.

Следующий концепт проявляется во взаимодействии персонажей с духами. Для более глубокого понимания данного явления необходимо обратиться к одному из главных концептов творчества режиссера, который именуется как «кокоро». Д. Бойд и Н. Тэцуй в своем исследовании, посвященном исследованию фильма «Унесённые призраками», выводят следующее определение «кокоро»: «сущность нашей личности, сочетание души и сознания человека» [11]. Для восприятия ками и их деятельности необходимо наличие эстетически чистого, «оптимистического» кокоро. Загрязнение кокоро человека – то же самое, что загрязнение реки или озера. Оно влияет на восприятие мира и связь с предками, природой и самим «Я». Человек должен восстановить нормальное восприятие и очиститься физически и духовно. Очищение (охарай) становится ключевым семиотическим знаком в творчестве Миядзаки. Персонажи часто встречаются с водой и очищаются, что изменяет их восприятие мира и способы решения проблем. Некоторым персонажам не нужно внутреннее очищение – например, Аситака и Навсикая. Они уже обладают чистым кокоро, которое позволяет им взаимодействовать с духами. Несмотря на это, внешнее очищение меняет их мироощущение и направляет на правильное решение.

Еще одно анимэ, которое показывает проблему загрязнения среды и *кокоро* – «Унесённые призраками». Сцена с духом реки в купальне – это яркое отображение ритуала охарай. «Оскверненный» ками, погруженный в мусор, который жители города повсеместно сваливают в реку, не способен выполнять свои божественные функции. Только очищение позволяет ему освободиться. А Тихиро, в роли жрицы-мико, помогает ему в этом. Ту же функцию фундаментально выполняет и вся купальня – сюда духи приходят, чтобы очиститься. Миядзаки подводит зрителя к мысли о том, что если мусор способен поработить даже бога, что тогда происходит с человеком?

Хаяо Миядзаки как искусный режиссер вкладывает множество традиционных и культурных элементов в свои произведения, создавая мир, где традиция и современность сочетаются в уникальной гармонии. В итоге он описывает те концепции, которые поистине важны для японского народа. Его работы

представляют собой исключительное проявление творчества, почтения и духовной глубины, которые ценятся в культуре Японии.

Сравнивая работы двух режиссеров в области пяти категорий культуры, можно заметить некоторые различия во взглядах авторов. В произведениях Хаяо Миядзаки, например, таких как «Унесённые призраками» и «Мой сосед Тоторо», категория времени представлена более прямолинейно. События происходят последовательно, описывая развитие персонажей и их отношений. Миядзаки также часто использует мотивы времен года в качестве символических элементов, помогая зрителю ощутить смену сезонов вместе с героями. Категория времени в произведениях Макото Синкая более абстрактна и не линейна, в то время как в работах Хаяо Миядзаки она более очевидна и понятна.

Пространство в произведениях Хаяо Миядзаки более мифологично и отчужденно от простого мира. Создается впечатление, что сам человек в своей повседневной реальности становится «объектом», кем-то странным и необычным в волшебных и мистических мирах. Синкай же ставит в роль субъекта человека и позволяет ему взаимодействовать с окружающим его, внезапно возникающим, загадочным пространством.

Природа является неотъемлемым элементом в фильмах Миядзаки. Он стремится показать ее красоту и уязвимость, а также ее несовместимость с человеческой цивилизацией. Однако он не разделяет человека и природу нерушимой границей, наоборот, на примерах отдельных персонажей он показывает, что еще не поздно изменить свое отношение к природе и жить в гармонии с ней. Синкай в своих произведениях уделяет особое внимание отображению природы. Качество прорисовки, насыщенность цвета, масштабность – все это показывает величие и красоту природы, от которой человек уходит все дальше и дальше. Для человека эта природа является чем-то самым собой разумеющимся, однако по ходу произведения персонажи замечают ее нечеловеческую красоту и приближаются к пониманию природы и ее важности.

Боги в произведениях Синкая чаще всего незримы и трансцендентны. Они безусловно влияют на жизнь героев, однако это влияние нельзя назвать абсолютным добром. Их помощь обычно представляется в виде шанса проявить себя, изменить свою судьбу и иногда судьбу мира. В произведениях Миядзаки боги, как правило, представлены имманентно. Они способны непосредственно взаимодействовать с человеком, однако, как и у Синкая, ключевые действия совершает именно человек, тем самым режиссеры наделяют их волей, которая проявляется более ярко, чем у богов.

В произведениях обоих режиссеров человек является не механизмом, приводящим сюжет в движение, а полноценной личностью со своим внутренним миром, переживаниями и эмоциями. В какой-то степени внутренний мир героев предстает как отражение природы, такой же разнообразной и гармоничной. Следуя философии синто, авторы сближают человека и природу, стараются «снять» границу, которую воздвигает человек, отказываясь от своей сущности.

Реплики синто, которые Макото Синкай и Хаяо Миядзаки органично вплетают в свои произведения, считаются японскими зрителями на интуитивном

уровне и насыщают семантическую сферу анимэ дополнительными смыслами. Подобное раскрытие данных реплик позволяет гораздо глубже изучить и понять творчество режиссеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнов С. А., Комаровский Г. Е. Религия в жизни японцев // Азия и Африка сегодня. – 1966. – № 8. – С. 47–51.
2. Боги, святилища, обряды Японии: Энциклопедия синто / под ред. И. С. Смирнова. – М.: РГГУ, 2010. – 337 с.
3. Гусев Е. И., Коваленко Д. Г. Актуализация синтоизма как семиотического концепта в художественном мире Хаяо Миядзаки [Электронный ресурс] // Философия и культура. – 2019. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-sintoizma-kak-semioticheskogo-kontsepta-v-hudozhestvennom-mire-hayao-miyadzaki> (дата обращения: 11.05.2023).
4. Качанова Ю. Номинант на «Оскар» Макото Синкай: Вряд ли меня сможет изменить статуэтка на полке [Электронный ресурс]. – URL: <https://snob.ru/entry/184487/> (дата обращения: 23.05.2023).
5. Крестовский В. А. Синто и Буккьо. Из воспоминаний о стране восходящего солнца // Русский вестник. – 1890. – № 8. – С. 95–125.
6. Маркарьян С. Б., Молодянова Э. В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. – М.: Наука, 1990. – 238 с.
7. Накорчевский А. А. Синто. – СПб.: Азбука-классика – Петербургское востоковедение, 2003. – 448 с.
8. Оно С., Вудард У. Синтоизм: Древняя религия Японии / пер. с англ. Ю. Гладковой. – М.: София, 2007. – 160 с.
9. Сыроечковский В. А. Синтоизм в анимационных произведениях Макото Синкай // Межкультурная коммуникация: Запад – Россия – Восток: материалы Международной студенческой научно-практической конференции (г. Новосибирск, 19 ноября 2020 г.). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. – С. 182–183.
10. Страшун Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. – Т. 2. – М.: БЕК, 2001. – 784 с.
11. Boyd James W., Tetsuya N. Shinto Perspectives in Miyazaki's Anime Film «Spirited Away» // The Journal of Religion and Film. – 2004. – Vol. 8, No. 2.
12. Genette G. Palimpsest: Literature in Second Degree. – Nebraska: University of Nebraska Press, 1997. – 491 p.
13. Miyazaki H. Starting Point: 1979–1996. Trans. by Beth Cary and Frederik L. Schodt. – San Francisco, 1996. – 462 p.

REFERENCES

1. Arutyunov S. A., Komarovskiy G. E. Religion in the Life of the Japanese. *Asia and Africa Today*, 1966, no. 8, pp. 47–51. (In Russian)
2. Gods, Shrines, and Rituals of Japan: Encyclopedia of Shinto. Ed. by I. S. Smirnov. Moscow: RGGU, 2010. 337 p. (In Russian)
3. Gusev E. I., Kovalenko D. G. Actualization of Shintoism as a Semiotic Concept in the Artistic World of Hayao Miyazaki. *Philosophy and Culture*, 2019, no. 12 [Online]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-sintoizma-kak-semioticheskogo-kontsepta-v-hudozhestvennom-mire-hayao-miyadzaki> (accessed: 11.05.2023). (In Russian)
4. Kachanova Yu. Oscar Nominee Makoto Shinkai: An Academy Statuette on the Shelf is Unlikely to Change Me [Online]. Available at: <https://snob.ru/entry/184487/> (accessed: 23.05.2023). (In Russian)
5. Krestovskiy V. A. Shinto and Bukkyō. From Memories of the Land of the Rising Sun. *Russkiy vestnik*, 1890, no. 8, pp. 95–125. (In Russian)

6. Markaryan S. B., Molodyanova E. V. Festivals in Japan: Customs, Rituals, Social Functions. Moscow: Nauka, 1990, 238 p. (In Russian)
7. Nakorchevsky A. A. Shinto. St. Petersburg: Azbuka-klassika – Petersburg Oriental Studies, 2003, 448 p. (In Russian)
8. Ono S., Woodard W. P. Shinto: The Kami Way. Transl. by G. Y. Gladkova. Moscow: Sofia, 2007, 160 p. (In Russian)
9. Syroechkovskii V. A. Shintoism in the Animated Works of Makoto Shinkai. Intercultural Communication: West–Russia–East. Proceedings of the International Student Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, November 19, 2020). Novosibirsk: NSPU, 2020, pp. 182–183. (In Russian)
10. Strashun B. A. Constitutional (State) Law of Foreign Countries. Vol. 2. Moscow: BEK, 2001, 784 p. (In Russian)
11. Boyd James W., Tetsuya Nishimura. Shinto Perspectives in Miyazaki's Anime Film Spirited Away. *The Journal of Religion and Film*, 2004, vol. 8, no. 2 (In English)
12. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997, 491 p. (In English)
13. Miyazaki H. Starting Point: 1979–1996. Transl. by Beth Cary and Frederik L. Schodt. San Francisco, 1996, 462 p. (In English)

Информация об авторах

Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>, imktikhomirova@mail.ru

В. А. Сыроечковский, аспирант, специалист, кафедра социально-коммуникативных технологий, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия, limak2008n@yandex.ru

Information about the authors

Elena E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>, imktikhomirova@mail.ru

Vladimir A. Syroechkovskii, graduate student, Specialist at the Department of Social and Communication Technologies, Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, Novosibirsk, Russia, limak2008n@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 11.07.2025

Одобрена после рецензирования: 17.08.2025

Принята к публикации: 19.09.2025

The article was submitted: 11.07.2025

Approved after reviewing: 17.08.2025

Accepted for publication: 19.09.2025